

ТРИНАДЦАТЫЙ В РАЗВЕДКУ НЕ ПОЙДЕТ...

Рассказ о подвиге
Героя Советского Союза Григория Гридасова

Полк после упорных боев, овладев населенным пунктом, прекратил продвижение вперед. Не успев еще как следует закрепиться, подтягивал тылы, а командование дивизии уже требовало подготовиться к новой атаке. По непрерывным звонкам из штаба корпуса было ясно, что полным ходом идет подготовка к новому наступлению.

В такую пору у командира дивизии невпроворот дел в штабе. Для неотложного разговора мог вызвать к себе. А он все бросил и приехал в полк.

Зайдя в полуподвальное помещение, оборудованное под КП, генерал сразу же попросил карту. Всегда требовательный и щепетильный до мелочей, генерал-майор Киселев на этот раз не обратил внимания на царивший вокруг беспорядок.

В дивизии каждому было известно, что генерал не любит лишних вопросов и пустых разговоров. Вот и сейчас, уточнив обстановку, он коротко поставил задачу полку, а потом предложил сесть командиру полка и сам сел.

«Сейчас выложит главное», - подумал подполковник Митин.

- Наш корпус и, в частности, наша дивизия нацелены на стык двух немецких дивизий, здесь и здесь, - генерал дважды дотронулся кончиком карандаша до карты. - Теперь очередь за нами. Твой полк ближе всех к реке. При наступлении нам придется ее форсировать. Но, не зная, говорят, броду... Надо разведать узкое место реки, глубину... Форсировав реку, мы на плечах у немцев добьем их остатки на том берегу. Если не удастся форсировать с ходу, можем застрять здесь надолго. - Комдив сделал пометку на карте. - У немцев в этом районе, - он показал то место, где отметил карандашом, - есть переправа. Это сведения нашей дивизионной разведки. Под натиском немцы будут отступать через реку по переправе и при отступлении обязательно взорвут ее, как только наши части выйдут к берегу реки. Поэтому к рассвету мы должны определиться. Переправа или место, выбранное для форсирования. Приказываю послать человек десять-двенадцать в разведку. Задачу им поставишь сам.

- Все ясно, товарищ генерал!

- Кого пошлешь?

Митин помолчал, делая вид, что обдумывает. Хотя решение созрело мгновенно, но он медлил, не торопясь высказываться. Наконец произнес, стараясь придать голосу побольше твердости:

- Гридасов пойдет.

Генерал нахмурил брови.

- Гридасов - это новый командир взвода разведки, - объяснил подполковник.

- Что-то не помню такого. - Генерал сдвинул брови, словно пытаясь что-то припомнить. - Склерозом пока не страдаю, а не помню. Откуда он родом?

- С Алтая.

- Нет, не тот.

- А помните бой перед выходом на отдых? Четверых разведчиков помните, которые в прикрытии до последних минут оставались, с ними был

и Гридасов. И только после того, как вы приказали прекратить огонь, они вернулись в полк.

- Постой, постой, это не тот белобрысый, у которого брови на переносице сходятся?

- Он самый.

- Тогда вспомнил. Геройский парень. Ладно, действуй на свое усмотрение. Ночью доложишь. Но чтобы не позднее утра была полная ясность. Обо всем докладывай лично мне в любое время.

Проводив генерала, Митин вернулся на КП. Надо сейчас же вызвать Гридасова. Он, наверное, после разведки отдыхает или устраивает ребят на отдых. Приказал связному:

- Командира разведки ко мне!

Солнце медленно уходило за горизонт. Становилось неуютно, пасмурно. Гридасов придиричиво осматривал окоп, открытый разведчиками на случай артиллерийского налета.

Подошел Гуляев - правая рука командира взвода и его верный помощник и друг.

- Ты бы шел отдохнуть, Гриша, вторые сутки на ногах. Свалимся оба, кто командовать взводом будет?

- И то правда, надо бы соснуть часок-другой. Да и тебе подремать не мешало бы.

Неплохое место выбрал Гуляев для отдыха. Лужайка прикрыта полуразрушенным двухэтажным домом. Не залетят сюда ни снаряд, ни мина. Прямое попадание исключается.

У стены дома аккуратно сложены автоматы, рядом, побросав на траву шинели и вещевые мешки, вповалку спят солдаты-разведчики.

Гридасов оглядел бойцов и подумал: вот сейчас разорвись поблизости снаряд или мина - не услышат. Это привычно для них, а скажи командир одно только слово - проснутся.

Григорий почувствовал усталость, ощутил покалывание в суставах и попробовал вспомнить, когда он в последний раз разувался. И только собрался присесть, чтобы переобуться, слышит:

- Товарищ командир! Идите перекусить.

Высунувшись из оконного проема второго этажа, связистка Нина приглашающе машет рукой.

Григорий посмотрел на ее улыбающееся лицо, спросил, чтоб не молчать:

- Ты чего это туда забралась?

- Так кухня же здесь настоящая, как дома. Стол и стулья есть - просто комфорт. Заходите!

Гридасов поднялся по полуразрушенной лестнице на второй этаж. И действительно, в уцелевшей чудом комнате стояли стол, два или три стула. Над проемом окна от потолка наполовину проема свисала в ключья разорванная тюлевая занавеска. В углу около печки лежал мягкий, засыпанный упавшей штукатуркой, половичок, по-видимому, здесь когда-то спала кошка.

Дождавшись лейтенанта, Нина быстро соскочила с подоконника, попыталась вытянуться по стойке смирно, но потом смущенно проговорила:

- Пожалуйста к столу, товарищ лейтенант. Здесь почти как дома, только нет умывальника, чтобы руки помыть перед обедом, а так все по-домашнему...

- Спасибо. Не откажусь. А то мои ребята сами поели и попадали вздремнуть. А мой котелок с кашей Ревин прикрыл шинелью, чтобы каша не остыла, а Зубцов прилег на нее головой и так сладко спит, что будить жалко...

Григорий сел на стул, пододвинул котелок поближе и стал по привычке искать за голенищем сапога ложку. Ее не оказалось.

- Возьмите мою, если не побрезгуете, - предложила связистка, протягивая свою насухо вытертую ложку. - Только не забудьте вернуть, а то у нас старшина строгий, другой не даст...

Григорий начал есть. Нина, точно сорока, ни на минуту не умолкала. Она рассказывала, как однажды она тоже потеряла ложку, когда тянула связь между КП полка и батальона.

- Ползу с катушкой за плечами, слышу - что-то о катушку шелкнуло. Я притих-

ла, замерла, лежу. Сколько лежала - не знаю, но мне показалось, что очень долго. Думаю, снайпер заметил меня и пристреливается. Стоит мне пошевелиться и он - тут как тут. До места расположения батальона оставалось несколько метров. Я поднялась во весь рост и сколько есть духу кинулась к окопу. Не помню, как я оказалась в нем. Или солдаты свалились туда, или просто прыгнула, только вижу - стоят передо мной солдаты и корчатся от смеха... «Молодец, ефрейтор! - пожал мне руку комбат. - А мы думали - шлепнули тебя, когда притихла...» Вернулась я в свою роту как раз к обеду. Подошла к повару, получила кашу, стала искать, так же, как вы, ложку, а ее нет. Значит, думаю, потеряла, когда ползла к передовой.

Тут подходит старшина: «Ефрейтор, опять ложку потеряла? Где же я на вас их наберусь?» Потом раздобылся. Вытащил из-за голенища свою и отдал мне, но предупредил, что последний раз дает. Теперь я эту ложку как автомат берегу. Так что не забудьте мне ее вернуть!..

Григорий, дослушав рассказ связистки, протер ложку краем гимнастерки и бережно подал ее Нине:

- Спасибо за обед и за рассказ про ложку. В следующий раз пойду за «языком», я вам не только ложку - целый сервиз прихвачу.

Нина, покраснев, улынулась, подхватила котелок и быстро побежала по ступенькам вниз, крикнув на ходу:

- Не забудьте, что обещали, буду ждать!

Гридасов спустился на поляну, бросил на землю шинель возле своих орлов и прилег. Только успел забыться, как почувствовал, что кто-то настойчиво трясет его за плечо. Гридасов открыл глаза. Перед ним стоял боец.

- Товарищ лейтенант, вас вызывает командир полка.

Получив задание, Гридасов не торопился поднимать бойцов. До темноты оставалось еще не меньше часа. Командир полка приказал отобрать из взвода одиннадцать бойцов. Не пойдут в разведку девять человек. Ну, семеро - это молодежь, Чернаков останется с молодыми - он вчера при выполнении задания неудобно прыгнул в окоп и подвернул ногу. Хромает. А еще кого оставить? Можно оставить Бабушкина и Ворожищева - они ночью ходили за «языком», устали. Но ведь им долго придется объяснять, почему их оставляют, не берут на задание. Особенно Бабушкину. Как это без него взвод пойдет, а он останется? Такого еще не бывало. Бабушкин будет по пятам ходить и доказывать, что без него и разведка - не разведка.

Но по тринадцать человек в разведку не ходят - это закон, неписанный, но закон. Неизвестно, кто его выдумал, а значит, и отменять некому.

Гридасов подошел к Гуляеву, потряс его за плечо.

- Миша, проснись.

Тот подхватился сразу.

- Михаил, слушай меня внимательно...

Проснулся или не спал Чернаков, но тоже насторожился, придвинулся поближе. Пришлось объяснять:

- Чернаков, сейчас мы в разведку пойдем, а ты с новичками, с пополнением останешься. Понял?

- Как не понять, но почему я? И что делать-то с ними?

- Ничего, отдыхать. Мы с рассветом вернемся. Ты останешься за старшего, за меня останешься. Понял?

Чернаков знал, что его не возьмут из-за ноги. На всякий случай спросил:

- А сколько вас пойдет?

- Двенадцать.

- А кто еще останется?

- Посмотрим при построении. Поднимай ребятам!

Гридасов увидел, как его бойцы быстро собирают вещевые мешки, шинели.

- Становись без шинелей!

Выстроились солдаты. Ждут. Поглядывают сонными глазами на командира. Хмурятся.

- Чернаков, два шага вперед!

Чернаков вышел, повернулся лицом к строю, стоит, ждет.

- Прибывшие из пополнения, два шага вперед!

Семь бойцов вышли из строя.

- Остальные, - ряды сомкнуть. Равняйся! - Подал команду Гридасов. - Смирно! Гридасов проходит вдоль строя. Замыкающим стоит Горшков. Один. Вот и решился вопрос, кто останется.

- Тебе, Горшков, пары не оказалось. Выйди из строя. Пойдешь в распоряжение Чернакова. Вольно! - подал команду Гридасов.

- Задача перед нами простая, - начал командир взвода объяснять разведчикам. - Найти место для форсирования реки и разведать, какими силами охраняется переправа у фрицев.

«Задача простая» - как-то само собой получилось. Командир полка наоборот говорил: «Не из простых задач».

- Взять с собой запасные диски к автоматам! На всякий случай, Миша, - обрattился он к Гуляеву, - захватите ножницы. На сборы полчаса. Разойдись!

К командиру взвода подошел Гуляев.

- Гриша, а где будем переходить переправу и искать переправу?

- Приказано перейти переправу в районе третьего батальона.

- А ты так и не спал? Учти, свалишься по дороге, обратно не потащим. Оставим где-нибудь в овраге или у речки. Замаскируем и оставим. Так и знай.

Дружба между Гридасовым и Гуляевым давнишняя, с первых дней пребывания в полку. Сошлись крепко. Сколько ночей провели под одной шинелью - не считать. Поэтому и не удивляется никто во взводе, что даже при подчиненных не называют они друг друга по званию...

- В следующую раз учту, Михаил, - улыбается Гридасов. - Только ты проследи, чтобы ребята ничего не забыли и пополнили диски.

- Не беспокойся, проверю.

Гуляев отходит к бойцам, а перед командиром взвода словно из-под земли вырастает Зубцов:

- Товарищ лейтенант, я отстоял свое в карауле. Я тоже пойду с вами на задание.

Гридасов давно заметил, что Зубцов не из робкого десятка. Вот и сейчас в глазах у него обида:

- Почему вы меня оставляете?

Смотрит командир на солдата, слушает его, а сам едва сдерживает улыбку:

- А кто сказал, что ты не пойдешь? Я не говорил ничего такого. И командир полка не приказывал тебя оставлять! Собирайся, как раз двенадцатым будешь.

Солдату-фронтовику недолго собраться: одежда на нем, оружие он всегда при себе держит, а все остальное имущество умещается у него в вещевой мешок.

К выступлению все готово.

В стрелковом батальоне Гридасова и его разведчиков встретили, как всегда, радушно. Из полуразрушенного дома навстречу разведчикам вышел сержант.

- Мы давно вас ждем! Сейчас доложу командиру батальона.

Сержант скрывается и тут же появляется офицер.

- Капитан Громов, - представляется он. - Мне приказано перебросить вас через линию фронта. Вас проведет сержант Лазуткин. Вы когда тронетесь?

- Сейчас, - ответил Гридасов.

- Минут пяток придется подождать, прикрытие надо обеспечить. Выходить тоже здесь будете?

- Наверное...

- Когда возвращаться думаете?

- Как задание выполним.

- Ну что ж, ни пуха ни пера вам!

- К черту.

Сержант Лазуткин шагает впереди. Он ведет разведчиков через узенький дворик.

- Давайте сначала осмотримся, - снимая автомат с плеча, он подошел к дощатому забору и ощупью нашарил оборванную доску. Отодвинул ее:

- Видите дом? В нем фрицы, справа кучи мусора. Вот надо около них ползти, чтобы незаметно добраться до оврага.

Разведчики, один за другим, пролезли в дыру и поползли, вжимаясь в землю. Сержант, обернувшись к командиру взвода, прошептал:

- Здесь надо ползти осторожно, по одному.

И будто ящерица извивается. Сразу видно - практика у него в этом немалая. За ним ползет Гридасов.

- Здесь осторожнее, - шепотом говорит Лазуткин. По всему судя, водить разведку ему привычно, а все же волнуется. Он торопливо делает знак разведчикам. Все замерли. Лазуткин шепчет на ухо Гридасову:

- Давайте мы с вами сначала у дома вдоль забора проползем, а потом остальные.

Гридасов поворачивается к Гуляеву и подает знак остановиться. По цепочке ползет шепоток, тихий, похожий на легкий шорох, которого не услышать фрицам, затаившимся в доме. Не услышать, не увидеть им, как, прижавшись к земле, проползают разведчики открытое место и исчезают во мгле оврага. Склон его до самой верхней кромки зарос крапивой и лопухами. Спустились в овраг, Лазуткин поднялся во весь рост:

- Ну вот, товарищ лейтенант, я свое дело сделал, - вполголоса говорит он Гридасову.

- Ладно, и на том спасибо, сержант. Теперь мы сами пойдем.

- А вас встречать? Вы как с начальством договорились?

- Что мы, девушки, чтобы нас встречать? Сами выберемся. Теперь знаем дорогу. Только ты предупреди своих, чтобы не приняли нас за фрицев, когда возвращаться будем.

Проводив взглядом Лазуткина, разведчики тронулись по склону оврага. Мягкая, податливая земля на склоне. Ноги как в тину в нее проваливаются. Сочная крапива под подошвами слегка хрустит. След в след разведчики шагают. Темнота надежно скрывает их от врага, затаившегося где-то рядом. И чем ниже разведчики спускаются по склону оврага, тем тверже становится земля. Навстречу солдатам дует ветерок, вдруг повеяло прохладой, значит, где-то близко вода. Прошли еще несколько десятков метров, и впереди стало как-то светлее. Слышно, как легкие волны ударяются о берег, да и под ногами чуть скрипнули песок, галька.

Гридасов подал условный знак: «Стоп!» Подозвал Гуляева, тихо проговорил:

- Вы оставайтесь здесь, ждите, а я спущусь к реке. Бабушкин со мной пойдет, - тихо сказал он Гуляеву, тот передал по цепочке приказ. Спустились вниз. Подойдя к реке, Гридасов наклонился, почерпнул рукой воды, освежил лицо. Проделал это и Бабушкин. Осмотрелись.

- Куда теперь тронемся? - спрашивает Григорий. И сам себе отвечает: - Пожалуй, вниз по течению пройдем, посмотрим.

- Я тоже так подумал, но надо бы на берег повыше подняться, а то на фоне воды могут засечь.

Поднявшись по оврагу наверх, где их ждали остальные разведчики, и объяснив обстановку, Гридасов приказал двигаться вдоль склона оврага. Справа открылась река.

- Гриша, - над самым ухом задрожал взволнованный шепот Гуляева, - смотри, вроде понтонный мост?

Гридасов напряг зрение и увидел «змею», перекинувшуюся через реку. Да, это была переправа, о которой говорил ему командир полка. Остановились. Замерли. Постояв с минуту, командир взвода шепотом передал приказ:

- Всем залечь и ждать.

Разведчики легли, затаились. Молча лежат, недвижимо, не дыша. Только Гридасов и Гуляев тихо о чем-то шепчутся. Разведчики ждут, что командир скажет. Приказа ждут. А командир взвода пока еще не решил, что дальше предпринять.

Смотрит лейтенант на переправу. Пристально, злыми глазами смотрит.

Над траншеей у переправы замаячила фигура немецкого солдата.

Над головой штык поблескивает.

- Машины! - это Бабушкин прошептал.

Две легковые автомашины по мосту с той стороны идут. Не доезжая часового, слегка притормозила первая. Из щелей сразу несколько фигур над бруствером появилось. Замерли по команде. Но машины, не останавливаясь, пошли дальше. За поворотом исчезли в темноте. На нашем берегу.

Гридасов пристально посмотрел на Гуляева, тот перехватил взгляд, напрягся, понял без слов, на что решается командир взвода.

- Скоро светать будет, Миша, - тихо, шепотом произносит Гридасов, - а задания мы пока не выполнили. Может, рискнем?

Молчит Гуляев. Отвернулся в сторону переправы, смотрит.

- Захватим эти дзоты, а там видно будет. Продержимся до прихода наших.

Все приблизились, ждут, что скажет командир.

- Правильно, другого выхода нет. Атаковать!

- Михаил, ты бери половину ребят, со мной оставь Бабушкина, Зубцова и еще троих. Твой блиндаж слева отсюда. Мой - правый. Главное - напасть неожиданно, внезапно, всем сразу. Слушай внимательно: сначала гранатами надо забросать щели. Сам тоже гранату возьми. - Кажется, одному Гуляеву, тихо, не повышая голоса, говорит командир взвода. Но все настороженно слушают, ни слова не пропускают. - От речки вряд ли проберемся мы. Часовые у самого берега стоят. Надо подойти оттуда, откуда для них будет неожиданно. Может, строем? В темноте не разглядят часовые, сразу не поймут, кто идет. Как думаете?

- Можно и так попробовать, - за всех ответил Гуляев.

- Тогда давайте ближе к дороге проберемся.

Не торопясь, по одному ползут разведчики к дороге. Отсюда дзоты не видны. Основные силы там, на передовой, почти в километре отсюда...

Осторожно стряхивают пыль с гимнастерок и маскхалатов. Молча выстраиваются в колонну по двое, быстро разобравшись, кто с кем. Гридасов встал впереди.

- Пошли! Только бы караул не встретить...

Молча шагают двенадцать солдат. Со стороны посмотреть - идет обыкновенное отделение. Немецкое или русское - не понять сразу. Невдалеке две машины немецкие стоят. Никому и в голову не придет, что печатают шаг по немецкой передовой русские солдаты. Откуда им здесь взяться!

Каких-нибудь сто метров осталось до поворота на переправу. Остановившись, Гридасов огляделся. Кажется, миновали самое опасное место - где видели машины. Там, похоже, КП немцев. С минуту рассматривал две шапки дзотов у переправы. Из бойниц торчат пулеметы. И часовые рядом стоят. Гридасов на секунду задумался. Не подойти отсюда незаметно, впереди дорога и никакого укрытия. Стоит выйти из-за поворота, заметят сразу. Хорошо, если за своих примут, а если нет?

- Григорий! - Гуляев к самому уху наклонился. - Опасно отсюда, могут заметить. Если успеют из пулемета ударить - беды не миновать, сразу всех скосят. Надо от реки, по кювету подползти, лучше будет.

А командир взвода и сам понял уже, на какой риск пошел. Лишь на слепое счастье можно надеяться. Да на рассеянность часовых. Но лучше не ждать от врага оплошности. На самих себя надо надеяться, ни на кого больше. Осмотрелся Гридасов внимательно и тут понял, на что обрек себя и ребят. Неожиданно ощутил, как холодок по спине пробежал.

- Пожалуй, правда, от реки надежнее. Давайте ползти к откосу, а там берег скроет. За мной, ползком, - передал команду взводный и добавил: - Как кашляну, все вперед, в атаку. Передай остальным.

Шепоток пошел по цепочке. И снова, сливаясь с землей, поползли разведчики к реке. Все ближе и ближе переправа. Повернули правей чуть-чуть, за бруствером часового не стало видно, а значит, и он их не увидит. Кажется, отлично получается. Только бы не услышал шороха ползущих разведчиков. Вплотную бойцы к командиру приблизились. Еще с десятков метров надо ползти. На фоне неба опять часовой появился, но только один, справа у блиндажа. Вот завылся, зашевелился, забеспокоился немец, вперед подался, пристально смотрит в сторону затаившихся, притихших разведчиков. Того и гляди увидит или услышит, а то просто почувствует, что кто-то поблизости есть.

В напряженной, выжидательной тишине кашель взводного прозвучал хлестко, как выстрел. Обгоняя друг друга, рванулись солдаты к траншеям немцев. Не успел часовой винтовку с плеча сдернуть. Насквозь прошитый автоматной очередью, свалился в траншею. Разрушилась тишина ночи, тут же справа и слева сразу грохнуло два взрыва гранат.

Гридасов с разбега прыгнул в окоп. Успел увидеть: из дзота выскакивают немцы и тут же переламываются надвое, тыкаются в землю. Один на бруствер высочил, на мгновение застыл, запрокинул голову и повалился набок.

Скорее, скорее к дзоту. Траншея узкая, не разбежались. Приклад автомата задевает. Но вот прыжок, угол окопа. Немец переваливается через бруствер. Пыгается ползти - автоматная очередь, и он сник. Еще прыжок. И вот вход в дзот, прикрытый брезентом. В него с разбега врывается Гридасов.

- Хенде хох! - и отскочил в сторону, прижался на всякий случай к стене. Замер. Тут же почувствовал, как сзади тяжело дышит Зубцов. А в блиндаже - ни души. Только лампа-гильза, словно живая, подмигивает ровным огненным пламенем. Бутылка, стаканы поблескивают на столе. На подставке пулемет с повисшей до земли лентой с патронами, они, как зубные коронки, золотистыми донышками из гнезд отсвечивают. А рядом ящики с лентами патронов стоят и ящики с гранатами, длинноручными «толкушками», как прозвали их бойцы.

- Как у Гуляева? - оборачивается Гридасов к Зубцову.

- Порядок, наверное, не стреляют больше.

А у Гуляева и в самом деле полный порядок. Он траншею очищает от фашистских трупов. Бойцы перебрасывают их через бруствер, сталкивают под откос.

А из угла окопа пленный глядит на разведчиков безумными глазами. Ни кровинки у фрица в лице. Голову в плечи втянул. Сидит на голой земле, будто вжаться в нее хочет. Прыгнув в окоп, Гридасов покосился на него и спросил у Гуляева:

- Потери есть?

- Не успели они. Ни у кого ни царапины.

- Молодцы! - обнять бы на радость Гуляева, да больно спокоен он, как всегда. Будто в своем огороде порядок наводит.

- Из охраны никто не ушел! - доложил Гуляев. - Только одного догонять пришлось. Под откос успел соскочить. У речки его и прикончили. - Показывая на пленного, проговорил: - Вот эту жизнь себе пока сохранил. Так тут и остался сидеть. Ноги, наверное, парализовало, а руки сумел поднять.

Глянул Гридасов на пленного. Тот еще больше под его взглядом съежился. Глаза вниз опустил. Губами беззвучно что-то шепчет.

- Что с ним делать?

- Может, я его спеленаю? Пусть отлежится до лучших времен.

Посмотрел Гридасов в спокойное лицо друга и неожиданно улыбнулся, в первый раз за эту трудную ночь.

- Здорово получилось, - тихо произнес Гуляев. В «его» дзоте стоял такой же скорострельный пулемет МТ-43, как и в первом. - Гриша! Смотри, новенький, и патронов уйма. Отличный пулемет, я с ним знаком, приходилось даже стрелять из такого, - говорит Гуляев.

- Тебе и гашетки в руки, - сказал взводный. - Сейчас задача - организовать наблюдение за обеими сторонами переправы. Неизвестно, откуда фрицы ползут. Могут сразу с обеих сторон навалиться. Могут артиллерией смещивать нас с землей. Или авиацию подослать. У них все по науке. Впрочем, нет. Побоятся мост зацепить... Именно побоятся. Пехоту пошлют. Ее нам и надо встретить будет... Ну, давай, Миша, оборудуй огневые позиции для круговой обороны, определи ориентиры - не мне тебя учить. А я со своими тем же займусь.

Отдал распоряжение своему отделению, прикинул местность. Ничего не видать, лишь река холодно поблескивает. И от этого по спине - мурашки. Поежился. Вспомнил:

- Бабушкин, захвати ножницы и за мной!

На мосту Гридасов остановился.

- Стой, давай осмотрим понтон. Тут как раз середина моста, а у фрицев привычка минировать посередине.

Он спрыгнул в понтон и замер. На дне понтона были уложены ящики, один к одному, с немецкой аккуратностью. От ящика к ящику идут провода.

- Бабушкин! Дай ножницы!

Нащупав тонким лучом фонарика главный светло-зеленый кабель, который шел к верху понтона, Гридасов примеряет ножницами, как удобнее и безопаснее перере-

зять его. Задумывается на секунду. Осторожно отводит ножницы от кабеля и прячет их за пояс. Кабель натянут сильно, опасно тут резать. Пройдя несколько метров вдоль него, Гридасов заметил, что в одном месте провод имеет послабление. Вновь появились ножницы в его руках. Слышится металлический скрежет. Дело сделано.

Гридасов рукой смахивает каплю холодного пота, выступившую на лбу. А передохнуть некогда, так как надо посмотреть, нет ли поблизости еще одного сюрприза. Оглядев место вокруг понтона, где находилась взрывчатка, убедился - нигде нет. Все в порядке. Ну, бегом к ребятам!

Спешит, торопится командир взвода. Пробыв несколько минут на переправе, он ожидал, что немцы вот-вот бросятся в атаку. Но по-прежнему было тихо. Только издали доносились звуки пулеметных очередей. И не верилось, что до сих пор не знают немцы о смене караула у переправы, о том, что она захвачена и им нет ходу на ту сторону реки. Гридасов, прыгнув в окоп, спросил:

- Ну как?

- Пока тихо, товарищ командир, - доложил Зубцов, - наверное, еще не поняли, что произошло, хотя они не могли не слышать перестрелки и взрывов гранат.

- Быстров, - позвал Гридасов, - где ты запропастился?

- Здесь я, товарищ командир. - Из глубины окопа показался боец среднего роста, сухопарый, подвижный.

- Придется тебе, Быстров, оправдать свою фамилию. Надо скоренько проскочить к нашим и доложить по телефону в штаб полка: мост мы захватили, ожидаем контратаки, нужна помощь.

- Сделаю.

Быстров энергичен, неумоим, юрок, как ящерица в любую щель просунется, на глади так расстелится, что только по тени, если есть источник света, можно опознать в неровности человека. И смел Быстров, решителен, будто знает, что заговорен он до конца войны. И осмотрителен при этом. Блестящий разведчик. И человек хороший.

Сказал «сделаю», и будто растворился за бруствером.

...У Гуляева одна забота осталась - пленный. Пока он нормально себя ведет - будто прирос к земле. Тихо сидит, смиренно. Но Гуляев вспомнил поговорку «В тихом омуте черти водятся». Не угадаешь, что у него на уме, что может выкинуть этот вражина, когда бой начнется.

Гуляев подходит к нему, делает знак подняться.

- Оторви свой зад от земли, простудишься. Вставай!

Немец впивается в Гуляева остекленевшими глазами, оглядывается по сторонам, встает на колени. Больших усилий ему стоит подняться. Никак ноги в коленях не разгибаются. В одной руке у Гуляева кусок провода, а в другой нож. Снял ремень с пленного, ножом срезал пуговицы у брюк.

- Руки давай назад. Хенде, хенде цурук! Ну, что ты глаза пучишь? Не бойся, мерзавец, не трону пока.

Немец с первых же слов понял, чего от него хотят и все указания выполняет немедленно. Гуляев скрутил ему руки сзади.

- Во время боя некогда будет с тобой возиться. Думаешь, расстреливать тебя собираюсь? Нет, я просто пока тебя спутаю. Чтобы не удрал.

Подергал за провод. Крепко. Надежно спеленал. Для надежности и ноги спутал, затянул узелок потуже.

- Теперь ты с нами одной веревочкой связан. Никуда тебе от нас ходу нет. Понял?

А немец одно понял - не собираются его расстреливать и заулыбался угодливо: «Яволь, яволь!»

- Смотри, развеселился фриц, - проговорил солдат, наблюдавший за работой сержанта. - Ему так удобнее и нам спокойнее будет.

Гуляев отошел на шаг от немца, полюбился своей работой и остался доволен. Теперь он ни рукой, ни ногой не шевельнет. Пусть посмотрит, как мы его соотечественников их же пулеметом расстреливать будем.

Гуляев отправился в блиндаж, но задержался около часового:

- Ничего нового?

- За поворотом дороги у развалины вроде зашевелились.

Гуляев напряженно вглядывается в ту сторону, куда показывает солдат.

- Копшатся вроде, скапливаются они там. Наверное, для атаки. У тебя сколько дисков осталось?

- Два. Оба полные, только раз стрельнул.

- Пополнить диски, подобрать трофейные автоматы, приготовить гранаты и посмотреть в оба! - приказал Гуляев. - Ты останешься за старшего, Ревин, а я сбегаю к командиру, узнаю, как будем действовать дальше. Я быстро.

Гуляев спрыгнул в траншею к Гридасову:

- Что делать дальше будем, Гриша?

Гридасов понял, что Гуляев ждет от него приказа, но не приказал, а раздумчиво произнес:

- Почему не торопятся фрицы? Ведь стрельбу слышали. Или боятся, не знают, сколько нас здесь, или еще не поняли, что произошло на переправе? Или с силами решили собраться? Ты, Михаил, пулемет проверил?

- Да, новый, и патронов уйма. Может, попробовать стрельнуть?

- В кого?

- Да так. У развалюхи движение в темноте замечено. Накапливаются.

- Незачем провоцировать. Нам лучше всего пока помалкивать.

Несколько секунд сидели молча.

- У меня к тебе просьба, Гриша, есть. Отойдем в сторонку. Если что, сними с меня орден. Домой его отошли.

- Ты что, Михаил? Не об этом сейчас надо думать.

- Понимаю, но и ты меня пойми, хочу, чтобы дома знали, как я бил фрицев.

И так захотелось Гридасову обнять друга, сказать ему что-нибудь душевное, теплое. Но неожиданно для себя произнес сухо, обычным командирским тоном:

- Иди к своим ребятам, готовьтесь к бою. Будем держаться до прихода наших.

Понял?

- Так точно, понял, держаться до прихода!..

Гуляев пожал руку Григорию, быстро перемахнул через бруствер и исчез в темноте.

Гридасов зашел в блиндаж. Бабушкин подносил ящик с патронами поближе к пулемету. Пулемет поблескивает вороненой сталью, ленты аккуратно заправлены. Стоит только нажать на гашетку, как он заговорит, загрохочет, забьется в руках, как живой.

Через амбразуру-бойницу хорошо видно дорогу до поворота. Дзот сделан надежно, угол обстрела тоже учтен. Гридасов, сказав Бабушкину, чтобы тот смотрел внимательно, был у пулемета, а сам вышел к ребятам. Хозяйским глазом осмотрел еще раз траншею. Она оказалась удобной, глубокой, можно стрелять стоя. Фрицам ни с одной стороны не подобраться. Удивился, как это немцы не смогли заметить разведчиков. Ведь все же видно, как на ладони. Посмотрев в сторону дороги, уходившей к линии фронта, подумал: «Скорее всего немцы оттуда и атакуют будут. Патронов много, есть гранаты. Продержимся».

Так он стоял, размышляя, как вдруг один из разведчиков проговорил:

- Товарищ командир! По мосту фриц топает. Разрешите, я его срежу?

- Не стрелять!

Немец продвигался вдоль перил, останавливался, потом снова шел. Присел, что-то пошарил рукой и опять пошел вперед.

Телефонист. Связь восстанавливать послали. Иди, иди...

Гридасов прикладывает к плечу автомат, прицеливается. Расплывается в сумерках фигура солдата... Поднял голову от автомата, подождал. Отмерил еще шагов десять фашист навстречу своей неминуемой смерти. Вот он подходит к тому месту, где были Гридасов и Бабушкин. Остановился. Вот и кончились твои хождения по чужой земле. Раскалывает тишину ночи автоматная очередь.

- Готов, враги...

Не успел Гридасов договорить, как донеслось до слуха глухое урчание мотора. Все сразу забыли об убитом фрице. Неужели танки? А связок гранат не сделали. Забыли. Все напряженно прислушиваются к гулу мотора. Все ближе слышится

глухой монотонный звук. Разведчики взяли автоматы наизготовку. Из темноты показался силуэт машины, идущей по мосту.

- Грузовик! Стрелять по моей команде! - приказал взводный громко, чтобы услышал Гуляев.

Все четче вырисовывается кабина грузовика. Все ближе и ближе набегают автомашина. Хитро придумано. Вроде как невинно. Со спины. Гуляючи.

- Одна? Больше не видно.

- Стрелять по кузову, а я по водителю. Огонь!

Смертельные нити автоматных очередей впились в борта, капот, дверцы. Грузовик с ходу развернулся круто влево и повалился под обрыв к реке. Послышались крики немцев.

- Проследить, чтобы никто не ушел живым! - крикнул Гридасов Гуляеву.

И тут как гром прозвучал голос дозорного:

- Немцы на дороге, товарищ командир.

- По местам! Приготовиться к бою! Но без моей команды не стрелять. Бабушкин, к пулемету.

Трассирующие пули пролетели над траншеями.

- Запасные диски и гранаты держать около себя! - подает команду лейтенант.

Подбегая к дзоту, крикнул Бабушкину: - Готов?

- Готов, товарищ лейтенант. Жду команды!

Чуть-чуть светлеет небо на востоке. Оно демаскирует фашистов.

- Ладно. Сначала из пулеметов их встретим, - проговорил негромко Гридасов, а потом громче: - Михаил! Сначала из пулеметов, а из автомата потом. В упор. И прицельно.

- Понятно! - тут же отозвался Гуляев.

У самого входа в дзот Гридасов остановился, посмотрел на траншею Гуляева, потом на бойцов. Кому-то сегодня выпадет... По ком-то зазвонит колокол и бабий плач надорвет сердца близким.

В полный рост гитлеровцы, не пригибаясь, как одержимые неслись к дзотам.

- Огонь!

Словно подстегнутые командой, еще злее заработали автоматы разведчиков. Гитлеровцы, перепрыгивая через убитых, продолжали бежать вперед. Передние падали, на их место как из-под земли вырастали новые, на ходу паля короткими и длинными очередями из шмайсеров.

Гридасов прокричал:

- Стрелять прицельно и короткими очередями! - Сам дал очередь. Пули ложатся точно. Располающаяся в стороны цепь немцев изрядно поредела.

Вот она бросается в кюветы, прижимается к земле. Кланяется пулеметам.

Захлебнулась вражеская атака. Не бегут больше немцы. Притихли. Только трупы темными точками возвышаются на дороге и в кюветах.

- Прекратить огонь! - кричит командир взвода, на этот раз не очень громко, чтобы немцы не слышали.

Из окопа Гуляева стрельба продолжается. Неожиданно со стороны реки промелькнула тень и в траншею кто-то прыгнул.

- Быстров! - удивился Гридасов.

- Товарищ командир, пройти к нашим не удалось. Невозможно не только пройти, но и проползти, - доложил Быстров. - На берегу, где мы шли, фрицев полно. Я выше поднялся, а там их еще больше.

Не ожидал командир взвода от Быстрова таких слов. Не было случая, чтобы он возвратился, не выполнив задания. Значит, действительно, нельзя пройти. Но, к своему удивлению, Гридасов не ощутил злости на Быстрова, подумал: «Раз уж Быстров не прошел, значит, в самом деле пройти невозможно». Но сам хмуро посмотрел на него и сказал:

- Ладно, потом расскажешь, а теперь займи оборону от реки и смотри в оба.

- Есть занять оборону. - Он направился в конец траншеи, положил автомат на бруствер, несколько гранат рядом, но, посмотрев в сторону дороги, проговорил:

- Товарищ командир, а может, фрицы притворились убитыми на дороге, может, швырнуть гранату?

А что если правда некоторые из них притворились убитыми? И такое бывает. А когда новая атака начнется, они «оживут» Это опасно...

- На всякий случай проверь гранатой. Только добросишь ли?

- Доброшу.

- Давай!

Быстров ловко схватил немецкую «толкушку».

- Подожди, подожди, а ты умеешь с ней обращаться?

- А то как же, мы ими рыбу как-то глушили. Сильна штука...

Но длинная ручка мешала размахнуться в траншее. Упершись одной ногой в стену окопа, другой в другую, наполовину туловища высунулся из укрытия и швырнул гранату. Грохнул взрыв рядом с кюветом. Огненными брызгами метнулись осколки. Граната немного не долетела до первых рядов трупов. Но не даром бросил Быстров - несколько фрицев ожили, зашевелились и попытались уползти в кювет, но доползти им не удалось. Короткой очередью из автомата уложил их Гридасов.

- Молодец, Быстров, а то бы они первыми бросились на нас при очередной атаке.

И снова все стало тихо.

Гридасов положил руку на бруствер, ощутил под пальцами прохладный песок. И сразу вспомнил, как бывало там, далеко, на Алтае, в своем родном городе, он с ребятами выезжал на песчаную косу и целыми днями бродили у воды, ощущая такой же холодок, как сейчас. Вспомнился на мгновенье родной Камень, где он родился и вырос...

Гридасов посмотрел на Зубцова, тоже притихшего, о чем-то задумавшегося. Тоже, наверное, о доме.

- Разобрать гранаты! - глухо произнес командир взвода. Взял две себе и две подал Зубцову. - Бросай подальше от траншеи!

Вдалеке послышался четкий рокот пулемета. Кто-то из разведчиков радостно воскликнул:

- Это наш «Дегтярев» бьет.

- Значит, спешат на выручку наши, - проговорил Гридасов.

Но и гитлеровцы торопятся. Одну за другой отбивали разведчики атаки немцев. Но наглости и азарта у фрицев поубавилось. Уже несколько минут не атакуют. В чем дело? Может, в темноте подползают, укрываясь за трупами, а трупов было на дороге, как кочек на болоте, за ними можно и укрыться. С нарастающей тревогой ждет командир взвода новой атаки.

Немцы неожиданно сделали передышку. Наверное, свежие силы подтягивали для решающей атаки. Гридасов высунул голову из окопа и увидел, как по всей ширине дороги надвигалась, казалось, сплошная масса. Взглянул влево, где был Гуляев со своими ребятами: во весь рост шли автоматчики.

- Бей их, Миша! - громко крикнул Гридасов и бросился к пулемету.

Атака захлебнулась. Время приближалось к рассвету. Григорий посмотрел на кучу ящиков с патронами. Осталось всего три полных ящика, несколько гранат и по нескольку патронов в дисках автоматов разведчиков.

«Вот и конец приближается», - подумал взводный.

В это время фрицы как-то непонятно заметались, бросаясь то к переправе, то к дзотам. Задние ряды поднимают руки.

«Что это? Немцы сдаются! Кому?»

До слуха разведчиков донеслись пулеметные очереди «Дегтярева» и автоматные ППШ.

«Наши прорвались!» - обрадованно подумал Гридасов и с еще большей злостью нажал на гашетку. Прозвучала короткая очередь и пулемет замолк - кончились патроны. А слева немцы прямо с разбегу бросаются в воду. Но их настигают пули из пулемета и автоматов бойцов Гуляева. У бойцов Гридасова кончились патроны и гранаты. Что делать? Времени на размышление не было. И, видя, что противник мечется, Гридасов принимает решение - идти врукопашную.

- Ребята, за мной! - выхватив нож, перескочив через бруствер, Гридасов, а за ним и все его разведчики кинулись на немцев.

Видя, что командир взвода со своими ребятами пошли врукопашную, Гуляев поднял и своих разведчиков. Завязался неравный, но ожесточенный бой. В суматохе этой схватки немцы подстреливали и сбивали с ног своих. Суতোлка, не бой.

«Теперь, если уж и погибать, то надо подороже отдать свою жизнь», - молнией мелькнула мысль у Григория. На него набросился немец, держа парабеллум прямо на уровне глаз Гридасова. Он схватил вражескую руку, с маху вонзил нож в тугой живот...

* * *

Митин расстегнул ремень, бросил кобуру с пистолетом на карты, изготовленные на скорую руку. Подошел к единственному квадратику в подвале - окну, напоминавшему амбразуру дзота.

«Слишком хорошая видимость», - с тревогой подумал командир полка, вспомнив об ушедших разведчиках. Подполковник хорошо понимал, что результатов разведки еще рано ждать. Но о чем бы ни думал, мысли снова возвращались к разговору с командиром дивизии о переправе, о наступлении и значении задачи, которую ушли выполнять разведчики. Вспомнился разговор с командиром взвода разведки.

...Гридасов не высказал никаких опасений по поводу необычайно рискованного, трудного поиска. В его ответах на вопросы чувствовалась твердая уверенность в выполнении задания.

Подполковник расстелил на нарах плащ-палатку, подложив под голову валяющуюся здесь же подушку от дивана, расстегнул пуговицы гимнастерки и с наслаждением вытянулся на жестких и неровных досках.

- Разбуди через пятнадцать минут, - сказал он сидящему у телефонных аппаратов связисту. Но, взглянув на часы, недовольно проговорил:

- Нет, через двадцать минут.

Не успел поудобнее устроиться, как мысли начали путаться. Подумал о предстоящем бое, кажется учтены все мелочи, все разработано с командирами батальонов, только с переправой пока нет ясности. Уже сквозь сон услышал, как настойчиво зуммерил телефон.

- Товарищ подполковник, вас «Волна-3» просит.

В трубке послышался голос командира третьего батальона:

- Товарищ первый, в стороне, куда ушли разведчики, - стрельба! Слышно, гранаты рвутся.

- Вышли разведчиков-наблюдателей. Обо всем докладывай сразу.

Как рукой сняло сон, словно озноб прошел по телу. Митин достал карту, сосредоточился. Посмотрел на крестики, поставленные командиром дивизии на карте. Взглянув на нее, неожиданно для себя осознал, что все его установки и приказ для командиров батальонов полка могут быть под сомнением, если что-то случится с разведчиками. Ведь все рассчитано на успех.

Посмотрел в сторону телефониста, словно тот мог угадать его мысли, бросил громко:

- Вызови командира дивизии!

Командир дивизии отозвался сразу: значит, тоже не спал.

Подполковник докладывал, едва сдерживая волнение. На секунду представилось, о чем думает комдив. Генерал не любит отменять свои приказы. К тому же план наступления тщательно отработан, продуман, согласован с корпусом. Атаку должен начать полк Митина, остальные пойдут в наступление с флангов. Тактически все рассчитано. Третий батальон, который у реки, должен первым ворваться на переправу и на тот берег.

Подполковник докладывал:

- Со стороны, куда ушли разведчики, были слышны автоматные очереди и взрывы гранат, похоже на тесный бой...

- Я уже в курсе, - услышал Митин голос генерала, - у тебя есть подробности?

- Нет. Я приказал выслать разведчиков-наблюдателей.

Генерал молчал, но в его короткой фразе чувствовалось волнение. Это волнение как бы передавалось и ему, Митину. Он хотел высказать свои предположения, хотя сам еще до конца не осознал, что надо предпринять, но командир дивизии спросил:

- Ты тоже предполагаешь, что это наши разведчики?
- Да, они как раз в это время должны быть в том районе. Одно из двух - или их обнаружили, или они захватили...
- Вот что! Подождем принимать решение, пока не поступят донесения. Я тоже послал из дивизии разведчиков.

- Гридасов сказал, что он пришлет одного из разведчиков, если будет возможность. Но, видимо, послать оттуда связного им не удалось. И если они захватили переправу, то...

Но генерал перебил его:

- Подождем данные разведчиков-наблюдателей, высланных туда. Тогда и будем решать. Что будет слышно, звони сразу. А пока приведи свое хозяйство в готовность номер один, - и зуммер прерывисто запищал.

Митин положил трубку, но не успел он отойти от телефона, как телефонист сказал:

- Вас, товарищ подполковник.

Докладывал командир батальона:

- Снова стрельба в том же направлении...

Генерал передал трубку телефонисту:

- Митина, быстро!.. Александр Васильевич! Все подтвердилось. Теперь вперед! Я уже третьему дал команду выступать в направлении, откуда стрельба была. Значит, наше решение остается в силе. Не теряй ни минуты. Скоро буду у тебя, - бросил трубку и на ходу начальнику штаба: - Передай в корпус обстановку. Я у Митина.

...Первые выстрелы раздались со стороны поворота дороги, откуда и ждали разведчики наступления. Предраассветная тишина была нарушена свистом тассирующих пуль, летящих в сторону переправы. Как будто кто-то внезапно из темноты швырнул в сторону реки «гирлянду» ярко мигающих разноцветных лампочек.

- Ура! - прозвучало в ушах Гридасова, и он почувствовал, как силы покидают его, опустился на колено, чтобы не упасть от усталости. К нему подбежали сразу три солдата-пехотинца. Кто-то на ходу похлопал его по плечу. И над самым ухом раздался бас командира третьего батальона:

- Спасибо! Молодцы разведчики! - проговорил он и побежал дальше.

Гридасов услышал его громкий голос:

- Гвардейцы, вперед!

Загудел дробно настил моста под множеством ног. Пехота, используя миг, переходила посуху реку, чтоб овладеть с ходу плацдармом.

Гридасов сидел на земле и смотрел на переправу. К нему подбежали Гуляев и остальные разведчики.

- Гриша, ты не ранен?

- Нет. А вот Быстрову, Зубцову, Андрееву не повезло. Геройской смертью полегли... Я посылал Быстрова с донесением. Он не сумел пройти сквозь плотную цепь немцев. И вернулся, чтоб здесь... А Зубцов сам напросился в поиск. После караула... Будто предчувствовали парни... Жалко...

Гридасов обвел взглядом стоявших рядом разведчиков и сменил тон, поднявшись на ноги.

- Молодцы, хлопцы. Мы свое дело сделали. Задание выполнили...

- Служим Советскому Союзу...

На фронте солдат привычен ко всему, на передовой он словно двужилый становится. Но бывают и такие минуты, когда даже собственное оружие оказывается ему в тягость, когда силы иссякают после напряженного ожесточенного боя. Так и сейчас разведчики, собравшись вместе, сидят на земле, положив рядом автоматы. Один из бойцов перевязывает Бабушкина, раненного в левую руку. Ревин сам, сняв сапог, бинтует ногу. Остальные просто сидят и ждут, какую команду подаст лейтенант.

Юркий «виллис» свернул с дороги на обочину, где расположились разведчики, и остановился. Из него выпрыгнули два офицера и не спеша вылез генерал. Подъехал второй «виллис», из него вышел командир дивизии - генерал Киселев.

- Гриша, смотри, командир корпуса и наш командир дивизии...

Разведчики, как по команде, вскочили и вытянулись по стойке «смирно». Гридасов, оправив гимнастерку, готовился доложить, что задание выполнено. Киселев, шагая рядом с командиром корпуса, на разведчиков показывает.

А в это время к командиру корпуса подбегает капитан, вытянувшись докладывает:
- Генерала со штабом в плен взяли.

Комкор только мельком взглянул на капитана и отмахнулся:

- Подожди, не до генералов сейчас. - И еще быстрее зашагал к разведчикам. Легко перепрыгнул через кювет. Обращаясь к командиру дивизии, спросил:

- Так эти орлы захватили переправу?

- Они, товарищ командующий!

Гридасов сделал шаг вперед, приложил руку к козырьку и начал докладывать:

- Товарищ генерал, группа разведчиков...

Но командующий по-отечески опустил его руку, внимательно посмотрел Гридасову в глаза, на разведчиков и проговорил:

- Вы представляете, что сделали? Да вы!.. - Генерал, видимо, хотел сказать что-то важное, но замолчал, будто не нашел подходящих слов. На секунду поднес руку к глазам, а затем обхватил все еще стоящего по стойке смирно Гридасова, прижал к груди, молодецки встряхнул. И, словно удивившись своей минутной слабости, выпрямился, повернувшись к командиру дивизии, проговорил твердо:

- Командира взвода представить к «Золотой Звезде», остальных - к ордену Красного Знамени.

Подойдя к разведчикам, пожал каждому руку, повернулся и пошел к машине.

Командир дивизии поблагодарил за службу, проговорил:

- Спасибо вам. Митин знал, кого послать на задание. Вы героически держались. А теперь в полк и отдыхать!

Генеральский «виллис» развернулся почти на месте и покатил навстречу потоку пешеходных подразделений, спешащих перейти мост. Армейская операция удалась лучше некуда.

- Будем выполнять последний приказ командования? - пошутил Миша. Гридасов не ответил. Он любовался, как девушка в солдатской гимнастерке с погонями направляла двух пожилых связистов вдоль придорожной канавы в сторону моста. В сторону его, Гридасова.

- Нина? Зачем ты здесь, Нина? Я еще не добыл сервиз...

А может это был сон? Все-таки три дня и три ночи провел Григорий, что называется, на ногах: в поисках и вот эту, когда удача обольстилась смелостью и отвагой горстки людей и приняла их сторону.

...Наступление продолжалось. Враг, огрызаясь, отходил. А разведчики - глаза и уши армии - по-прежнему шли впереди.

Много еще боевых подвигов было на их счету, но бой 18 апреля 1945 года для лейтенанта Гридасова Г.М. был последним. Тяжело раненный, он был отправлен в госпиталь.

Родина высоко оценила боевые подвиги верного сына Отечества Григория Гридасова, присвоив ему звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

